

УДК 343

***ИМУЩЕСТВЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И БОРЬБА С НЕЙ
В ПОСЛЕВОЕННОМ СССР***

Упоров И.В.

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

Краснодар, Россия

Аннотация: Рассматриваются особенности проявления преступности в советском государстве после окончания Великой Отечественной войны (1945-1950гг.). Анализируются научные труды по исследуемой проблематике, законодательные акты, архивные материалы. Внимание акцентируется на борьбе советских правоохранительных органов с имущественными преступлениями, где значительное место занимали хищения государственной собственности, дается соответствующая статистическая характеристика. Отмечается, что в послевоенное время в советском государстве наблюдался всплеск преступности, для противодействия этому социально-опасному явлению принимались законодательные акты, усиливавшие ответственность за преступления имущественной направленности.

Ключевые слова: преступность, хищения, собственность, закон, ответственность, война, хозяйственные преступления.

***PROPERTY CRIME AND FIGHTING IT
IN THE POSTWAR USSR***

Uporov I.V.

Doctor of History, Candidate of Law, Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Krasnodar, Russia

Resume: The features of the manifestation of crime in the Soviet state after the end of the Great Patriotic War (1945-1950) are considered. Scientific papers on the subject under study, legislative acts, archival materials are analyzed. Attention is focused on the struggle of Soviet law enforcement agencies against property crimes, where theft of state property occupied a significant place, and the corresponding statistical characteristics are given. It is noted that in the post-war period in the Soviet state there was a surge in crime, to counteract this socially dangerous phenomenon, legislative acts were adopted that increase liability for property-related crimes.

Key words: crime, theft, property, law, responsibility, war, economic crimes.

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. для СССР стала явлением кризисного характера во всех сферах общественных отношений. Состояние преступности в этом контексте не стало исключением. Как отмечается в юридической литературе, «наиболее неблагоприятным в криминальном отношении в годы сталинского режима являлось послевоенное десятилетие; завершение Великой Отечественной войны сопровождалось взрывом преступности, значительно осложнившим ситуацию в обществе» [1, с. 141]. Речь идет, прежде всего, о росте насильственной преступности, в том числе бандитизме, и эта тема освещена во многих публикациях. Другая категория преступлений, представлявшая высокую опасность для советского общества рассматриваемого периода, была связана с хищениями чужого имущества, и прежде всего общенародной (государственной) и колхозной собственности, а также с другими деяниями имущественного характера (хозяйственные преступления, спекуляция и др.), при этом основным предметом преступлений были продукты питания (в городах – также продуктовые карточки до их отмены в 1947 г., по которым осуществлялось снабжение продуктами [2, с. 57]).

Основным объектом хищения являлись колхозные и совхозные поля, склады и хранилища. В областях РСФСР кражи колхозных продуктов составляли около половины преступлений. 70% из привлеченных за них к уголовной

ответственности являлись крестьянами-колхозниками. Колхозники совершали кражи либо в одиночку, либо группами в 2-3 человека (обычно близкими родственниками). Только в августе - сентябре 1946 г. за кражи колхозного зерна на скамью подсудимых попало в РСФСР 14,8 тыс. чел., в ноябре - декабре - 15,5 тыс. чел. 60% из них были осуждены к лишению свободы [3, с. 90]. Огромное влияние на осложнение криминогенной обстановки в этом контексте оказал голод 1946-1947 гг., охвативший практически всю страну. В этих условиях самым распространенным видом преступлений было хищение хлеба.

С осени 1946 г. органы внутренних дел СССР стали фиксировать увеличение числа различных преступлений в отношении государственного и колхозного имущества: от разбоев и грабежей до должностных подлогов и хищений. Министр государственного контроля СССР Л.З. Мехлис 3 августа 1946 г. направил довольно объемное (56 стр.) письмо И.В. Сталину и А.А. Жданову «О разбазаривании колхозной собственности руководителями ряда партийных организаций». В заключении он писал: «Размеры беззаконий, допускаемых в отношении колхозной собственности многими партработниками столь велики, что часто партийный аппарат не в состоянии занять принципиальную позицию в отношении лиц, разбазаривающих колхозную продукцию» [4, л. 82]. В целом осенью 1946 г. было осуждено за хищение хлеба 53369 человек, из них 36670 человек (74,3%) приговорены к лишению свободы. Много осужденных по такого рода делам было в Красноярском и Ставропольском краях, в Башкирской АССР, Астраханской, Ростовской, Рязанской, Саратовской, Киевской, Харьковской, Одесской областях [5, л. 99-102].

Вместе с тем по ряду предметов хищения ситуация не ухудшалась, а, напротив, улучшалась. Так, скотокрадство в 1940-е гг., по сравнению с предвоенным временем, заметно снизилось. Например, в первом квартале 1949 г. было зарегистрировано 11 случаев скотокрадства, а в первом квартале 1949 г. только один. Во многом это объяснялось мерами, принятыми в 1940-е гг. для предотвращения такого рода преступлений – в частности, была введена карто-

тека похищенного, утерянного скота, а в апреле 1947 г. в соответствии с постановлением Совета министров СССР все конское поголовье до одного года было подвергнуто обязательной паспортизации. Как отмечалось в донесениях органов милиции, ответственность за большинство краж лошадей лежала на кочующих таборах цыган: «Появление цыган - упоминалось в одной из директив Управления милиции, - сопровождается ростом уголовных проявлений, особенно конокрадства» [6, с. 131]. Изменение условий жизни населения отражалось и на характере воровских проявлений. Улучшение материального положения населения привело в конце 1940-х гг. к росту уровня квартирных краж. К началу 1950-х гг. практически все сельское население было обеспечено мелким и крупным рогатым скотом, в развитых регионах (Москва, Ленинград, Прибалтика) появились граждане, имеющие в собственности личные автомобили. Как следствие, в начале 1950-х гг. снизился уровень краж скота, но в то же время возросло число угонов автомобилей. За 1947 г. в Ленинграде было угнано 63 автомобиля. В 1950 г. в городе была ликвидирована первая профессиональная группа автоугонщиков. Преступники похищали легковые автомобили и продавали их в республиках Прибалтики. Похищенное ворами либо присваивалось, либо сбывалось. Распространенной была продажа похищенного имущества скупщикам краденого - «барыгам». В подобных случаях преступник получал 10-20% цены от реальной стоимости похищенной вещи. На многих «барыг» работали свои кустари-портные, которые перешивали краденые вещи, чтобы сделать их неузнаваемыми. Такой способ применялся в каждом втором случае [6, с. 132].

И все же, несмотря на некоторые улучшения в отдельных сферах, хищения в первые годы после окончания войны, и прежде всего в сельской местности, буквально захлестнули страну. Не случайно власть вынуждена была принять меры, усиливающие наказание, и в этом смысле следует назвать прежде всего два известных указа от 4 июня 1947 г. [7; 8] за хищения, совершаемые в разных формах (кража, грабеж, разбой, присвоение и растрата). Так, только в

1950 г. по Указу от 4 июня 1947 г. за хищения социалистического имущества было осуждено 117,5 тыс. чел. (25,3% всех осужденных); в 1951 г. - 97,5 тыс. (21,4%); в 1952 г. - 103 тыс. чел. (20,9%). Сумма ущерба по законченным и переданным в суд делам составила в 1951 г. более 661 млн. руб.; в 1952 г. – 689 млн. руб. [9, с. 93]. Вместе с тем нельзя не отметить, что довольно быстро после принятия указов от 4 июня 1947 г. обнаружилась тенденция к снижению преступности. Только за июнь 1947 г. преступность в СССР снизилась на 3,2%, в том числе разбой с убийствами - на 0,8%, разбой без убийства - на 22%, невооруженные грабежи - на 13%, кражи с применением технических средств - на 11%, кражи скота - на 3,2%. За этот же месяц был зафиксирован рост карманных краж - на 7,7% и простых краж - на 6%, но это, скорее всего, было связано с улучшением регистрации этих видов преступлений. За июль 1947 г. преступность по стране упала на 10,8%, за август - на 17,2%. В августе сократилось количество всех видов преступлений, в том числе разбоев с убийствами - на 22,3%, разбоев - на 17,7%, грабежей - на 23,4%, краж с применением технических средств - на 21,8%, карманных краж - на 15,9%, простых краж - на 16,1%, краж скота - на 36,7%. В последующие годы наблюдалось последовательное снижение числа осужденных за имущественные преступления. Если в 1947 г. количество привлеченных к уголовной ответственности за хищения выросло на 47% (по государственному имуществу) и на 76% (по личному имуществу), то в 1948 г. уровень судимости за хищения упал до отметки ниже 1946 г. (95% - по хищениям собственности, 86,6% - личного имущества). К 1951 г. осуждения за хищение государственной собственности составили 61,6% от показателей 1946 г., а личного имущества - 48%. Однако эти успехи носили кратковременный и ограниченный характер. Проблема была не решена, а лишь «загнана внутрь». Подобная политика вела к тому, что любое ослабление государственного контроля порождало значительный рост криминальных проявлений [6, с. 35-36] (последующая практика борьбы с преступностью подтверждает этот тезис).

Предусмотренная уголовным законом ответственность за хозяйственные преступления в послевоенные годы также имела место, однако широкого резонанса не вызывала, а точнее власть не стремилась демонстрировать ее уровень, поскольку наличие таких преступлений бросало тень на преимущества социалистической экономики. Это касалось прежде всего спекуляции [10, с. 17]. В этой связи в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 20 апреля 1951г. утверждалось, что правоохранительные органы на местах необоснованно объединяют уголовные дела на спекулянтов и расхитителей, что «является грубым извращением методов борьбы с преступностью и в ряде случаев создает у населения не соответствующие действительности ложные представления о распространенности организованных форм преступности» [11, с. 94] Между тем в 1940-1950-е гг. теневые хозяйственные отношения сформировались едва ли не во всех сферах советской экономики. И в этом контексте следует согласиться с тем, что в послевоенное десятилетие завершается складывание системы нелегальных экономических взаимоотношений. Базой советской теневой экономики стал «черный рынок», обеспечивавший население страны дефицитными товарами народного потребления. В 1940-1950-е гг. «черный рынок» превратился по сути в рыночную альтернативу государственной системе распределения. Тем не менее, нельзя забывать, что по существу он оставался структурой, паразитирующей на отраслях народного хозяйства [6, с. 282], и в таком виде существовал вплоть до распада СССР.

Как отмечает С.В. Богданов, в «послевоенный период начали появляться первые нелегальные цеховые производства, которые были нацелены на извлечение прибылей посредством выпуска наиболее дефицитных товаров (мыла, одежды, обуви, предметов домашней обстановки). Сырье для производства данной продукции, как правило, похищалось из государственных предприятий. Поэтому этот вид деятельности вряд ли можно назвать положительным примером предпринимательства. Таким образом, закат тоталитарной эпохи знаменовал зарождение профессиональной экономической преступности в СССР» [12].

Однако, на наш взгляд, автор все же преувеличивает масштабы «цеховиков» в послевоенный период. Вместе с тем следует согласиться с тем, что в послевоенное время, несмотря на административно-тоталитарные отношения и угрозу жестким наказанием, имели место преступления, которые совершались на высоком хозяйственном уровне, с привлечением многих людей.

Наиболее известным является преступление крупнейшего хозяйственного афериста того времени Н.М. Павленко (мы полагаем, что масштаб этого преступления еще недооценен) [13; 14]. Суть его в том, что в течение десятилетия в стране занималась хищениями крупная преступная организация, возглавляемая самозванным «полковником» Н.М. Павленко. Дезертировав в 1942 г. из воинской части, он создал и возглавил ложную военно-строительную организацию под названием УВР-2 (управление военных работ). Собрав в нее дезертиров, уголовников, родственников и приятелей, Павленко смог обмундировать и вооружить личный состав своей «воинской части», после чего приступил к выполнению заказов на строительство дорог, аэродромов и иных объектов, а попутно - к массовым хищениям и грабежам на освобождаемых территориях. Со своей лже-воинской частью он дошел почти до Берлина. В самом конце войны, подкупив некоторых военных комендантов в немецких городах, Павленко добился выделения для своей «части» 30 железнодорожных вагонов и беспрепятственно вывез все награбленное в СССР, после чего разделил добычу (около 3 млн руб) между членами банды и распустил ее. Через несколько лет, в марте 1948 г., используя сохранившуюся у него фиктивную печать и бланки УВР-2, ловкий преступник возродил свою организацию. Эта фиктивная организация за 1948–1952 гг. заключила 64 договора на дорожно-строительные работы, часть которых выполняли наемные рабочие, даже не подозревавшие о подлинном характере и целях УВР-2. На их выполнение через Госбанк СССР было получено более 25 млн руб. Позже в уголовном деле следователи военной прокуратуры отметили, что строительство велось качественно и «капиталистическими методами»: Павленко переманивал у госпредприятий хороших специалистов на вы-

сокую зарплату, которая была больше их прежних окладов; использовал сделанную оплату. Маскируя преступное формирование под воинскую строительную часть, он долго избегал проверок. Когда начались аресты членов УВР-2, то на его строительных участках в нескольких регионах страны (включая Молдавию и Прибалтику) задержали более 300 чел. Участников преступной организации приговорили к длительным срокам лишения свободы, а мнимый полковник получил высшую меру наказания.

Здесь заслуживает внимания то обстоятельство, что мошеннические действия, получение взяток и другие преступления в столь крупных масштабах, да и создание крупнейшей преступной организации были возможными только при соответствующей предрасположенности к преступлениям тех лиц, с кем контактировал Павленко, а это были крупные хозяйственные и финансовые руководители, которые отнюдь не бедствовали, следовательно, даже в сталинском СССР, при абсолютном огосударствлении собственности, стремление к преступной наживе оказывалось сильнее страха быть разоблаченными. Это же касается и ставшего известным громкого процесса, когда в 1949 г. были за взяточничество осуждены несколько десятков работников и судей Верховных судов СССР, РСФСР, Мосгорсуда и адвокатов [15]. Данные факты лишней раз свидетельствуют о сложном феномене преступности.

В целом можно констатировать, что в послевоенный период применяемые советской властью формы и методы борьбы с преступностью дали свои результаты – с 1948 года уровень преступности снизился примерно на треть и продолжал в дальнейшем снижаться до определенной стабилизации на рубеже 1960 г. Это стало возможным благодаря деятельности правоохранительных органов, всего общества, которым удалось не допустить неконтролируемого роста преступности после окончания войны.

Библиографический список

1. Говоров И.В. Разгул преступности в послевоенном Ленинграде и области // Вопросы истории. 2003. N 4. С.141.
2. Бескорвайный А.П. Борьба с преступностью и обеспечение общественного порядка в послевоенном СССР: 1945-1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2008. 210 с.
3. Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства: вторая половина 40-х -60-е гг. // Отечественная история 1999. № 3. С. 90 – 91.
4. ГАРФ. Ф. 8300. Оп. 24. Д. 5.
5. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 1614.
6. Говоров И.В. Государство и преступность в Советской России 1945-1953 гг.: На материалах Ленинграда и Ленинградской области: дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004. 712 с. С. 131.
7. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 04.06.1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» // СЗ СССР. 1947. № 14.
8. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 04.06.1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 19.
9. Романовский Н.В. Лики сталинизма: 1945-1953 гг. М., 1995. С. 93.
10. Богданов С.В. Спекуляция в СССР (1945-1953 гг.): причины, масштабы, особенности // Известия Алтайского государственного университета. 2009. Вып. 4. С. 16-21.
12. Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР. М., 1969. С. 93.

13. Богданов С.В. Власть и преступность в экономической сфере в СССР в первые послевоенные годы (1945-1953 гг.) // Юридический клуб. 2008. 10 июня.

14. Тишков С.В., Алабердеев Р.Р., Латов Ю.В. История борьбы в СССР с хищениями социалистической собственности // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8. № 1. С. 64-65.

15. Жаворонков П. Остап Бендер военного времени // <https://ko.ru/articles/ostap-bender-voennogo-vremeni-107357/> 22.01.2001 (дата обращения: 30.01.2022 г.).

16. Жирнов Е. Как суды СССР боролись с коррупцией // Коммерсант-власть. 2009. 23 ноября.

Оригинальность 76%